

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МЕСТОИМЕНИЯ *КОТОРЫЙ* В АППОЗИТИВНЫХ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

© 2012 г. Е. А. Лютикова

В данной статье дихотомия рестриктивных и аппозитивных относительных предложений выводится из различных интерпретаций относительного местоимения: в то время как в рестриктивных предложениях относительное местоимение анализируется как оператор, в аппозитивных предложениях оно функционирует как анафорическое. Анафорический анализ относительного местоимения тестируется на материале русского языка. Обнаруживается, что местоимение *который* в аппозитивных предложениях демонстрирует те же типы употреблений, что и анафорические местоимения 3-го лица.

In this paper, the dichotomy of restrictive and appositive relative clauses is argued to be a consequence of the semantic interpretation of the relative pronoun, which is analyzed as an operator in case of restrictives and as an anaphoric pronoun in case of appositives. Empirical evidence supporting the anaphoric account of the relative pronoun comes from Russian. The paper shows that the range of interpretations of the pronoun *kotoryj* 'which' in appositives is identical to those of regular 3rd person anaphoric pronouns.

Ключевые слова: аппозитивные относительные предложения, относительные местоимения, анафорические местоимения, несвязанная анафора, местоимения повтора.

Key words: appositive relative clauses, relative pronouns, anaphoric pronouns, unbound anaphora, pronouns of laziness.

В статье исследуются проблемы интерпретации относительного местоимения *который* в аппозитивных относительных предложениях (ОП)¹. Аппозитивные (дескриптивные, описательные, распространительные) ОП традиционно рассматриваются в грамматиках как особый тип ОП, противопоставляемый рестриктивным (ограничительным) ОП. В [1, § 2901] эта оппозиция описывается как оппозиция ограничительных и распространительных придаточных определительных, связанная с семантическим вкладом ОП в интерпретацию определяемой именной группы (ИГ).

Традиционный семантический анализ рестриктивных ОП [2–10] состоит в том, что рестриктивные ОП (1) ограничивают экстенционал именной группы, к которой они относятся, предикатом, построенным из ОП. Так, например, ИГ с ОП в (1б) описывает таких индивидов, для которых одновременно удовлетворяются предикаты “быть женщиной” (интерпретация вершинного существительного) и “вчера пройти мимо нас по тропинке...” (интерпретация ОП).

(1) а. Походка ленивая бывает у женщин, [сердце которых уже занято] – тут ты не побеждаешь. [НКРЯ]²

б. Я вспомнил женщину, [которая вчера прошла мимо нас по тропинке, не обращая внимания на окрики конвоя]. [НКРЯ]

Аппозитивные ОП (2) не производят подобной рестрикции и не влияют на интерпретацию именной группы. Так, в (2а) для идентификации референта ИГ *Кудряши* достаточно данного имени собственного; семантический вклад аппозитивного ОП состоит в том, чтобы сообщить некоторую дополнительную информацию о данном референте в качестве фоновой (аналогичные замечания делаются в [11–14]).

(2) а. Варвара прилегает к плечу Кудряша, [который, не обращая внимания, тихо играет]. [НКРЯ]

б. – Жалкие люди! – сказал я штабс-капитану, указывая на наших грязных хозяев, [которые молча на нас смотрели в каком-то остолбенении]. [НКРЯ]

¹ Автор выражает глубокую признательность И.М. Кобозевой и Б.Х. Парти за плодотворное обсуждение первой версии статьи. Работа над статьей велась в рамках проекта РФФИ № 11-06-00489а.

² Основным источником примеров является Национальный корпус русского языка [НКРЯ]. Примеры с пометой [Я] получены при помощи поисковой системы Яндекс.

Показательно, что аппозитивные ОП могут быть перефразированы при помощи независимого предложения или сочинения предложений, с замещением относительного местоимения анафорическим, ср. (3а), в то время как рестриктивные ОП не допускают такой возможности (3б):

(3) а. Варвара прилегает к плечу Кудряша_i. Он_i, не обращая внимания, тихо играет.

б. # Походка ленивая бывает у женщин_i, а их_i сердце уже занято.

Очевидно, что в случае аппозитивных ОП относительное местоимение (ОМ) имеет иную интерпретацию, в первом приближении сходную с интерпретацией анафорического местоимения (ср. местоименную замену в (3а)), а само ОП интерпретируется не как предикат, а как пропозиция, имеющая истинностное значение. В этой связи возникает вопрос, какова функция ОМ *который* в примерах (2). Именно на этот вопрос мы предполагаем ответить в данной статье.

Аппозитивные относительные предложения и анафора

Базовое семантическое отличие рестриктивных и аппозитивных ОП состоит в том, что рестриктивные ОП участвуют в создании дескриптивного содержания определяемой ИГ, в то время как аппозитивные ОП не влияют на него. Данный факт традиционно интерпретируется как различия в порядке композиции ИГ, содержащих рестриктивные и аппозитивные ОП. Для рестриктивных ОП предлагается порядок композиции (4б), при котором именная группа объединяется с рестриктивным ОП раньше, чем с определителем (артиклем) или кванторным словом, меняющими семантический тип группы общего имени (ср. [2–3], [6], [15–18]; для русского языка – [11], [19]). Аппозитивные ОП, напротив, присоединяются как минимум после того, как ИГ соединилась с элементами левой периферии (4в) ([9], [20–27]).

(4) а. Все деревья, которые уже начинали зеленеть, были густо покрыты снегом. [НКРЯ]

б. [все [[деревья], [которые уже начинали зеленеть,]]]

в. [все [деревья]], (...) [которые уже начинали зеленеть]

Из анализа (4) очевидно, что интерпретация аппозитивного ОП не может совпадать с интер-

претацией рестриктивного ОП: предикат, полученный при интерпретации ОП, не может соединиться с ИГ, уже утратившей предикатный тип. Интуиция подсказывает, что аппозитивное ОП сообщает некую дополнительную, возможно, фоновую (*backgrounded*) информацию о референте определяемой ИГ. Дискурсивная функция таких ОП оказывается сходной с функцией прочих парентетических (т.е. “скобочных”) конструкций, таких как в примерах (5):

(5) а. Советует Юлия Ковалева, *психолог-консультант*. [НКРЯ]

б. Андрюша, *насколько я помню*, был смелее, вспыльчивее, резче. [НКРЯ]

Анализ аппозитивных ОП как парентетических конструкций предполагает, что они располагаются вне определяемой ИГ, а ОМ в их составе выступает как анафорическое, соотносящееся с вершинной ИГ как с дискурсивным антецедентом (подобные предложения высказываются, например, в [7], [9], [23], [26], [28–31]). Наиболее радикальный подход (*radical orphanage*, ср. [9]) предполагает, что аппозитивные ОП ни на каком из уровней представления высказывания не включаются в структуру главного предложения. Возможные альтернативы — это присоединение аппозитивного ОП к наиболее высокому узлу главного предложения ([28], [23]) или смешанный подход, согласно которому аппозитивное ОП с синтаксической точки зрения образует составляющую с определяемой ИГ, однако интерпретируется вне главного предложения ([32–33]). Для наших целей важно, в какой позиции интерпретируется аппозитивное ОП, и не принципиально, соответствует ли эта позиция исходной или производной структуре. В последующем изложении мы будем исходить из того, что аппозитивное ОП интерпретируется не как непосредственная составляющая в именной группе (чему соответствовал бы наблюдаемый линейный порядок), а как непосредственная составляющая главного предложения ([[главное] [аппозитивное]]).

Если в данной структуре ОМ в аппозитивном ОП является анафорическим местоимением, кореферентным вершинной ИГ в главном предложении, оказывается естественным перефраз в (3а). Объясняются и известные ограничения на референтность вершинной ИГ в английском языке, отмечаемые, в частности, в [28], [20], [31], [23]: как пишет Б. Парти [34, с. 5], “...правильное семантическое обобщение о дистрибуции нерестриктивных относительных предложений состоит

в том, что вершинная ИГ должна быть референтной”. Пример (6) демонстрирует невозможность аппозитивной интерпретации ОП, определяющих нереперентную ИГ в английском языке.

(6) а. Any plane [_{RESTR} which/that crashes] is a failure.

‘Любой потерпевший катастрофу самолет – это провал’.

б. *Any plane, [_{APP} which crashes], is a failure.

‘Любой самолет (который терпит катастрофу) — это провал’ (пример из [20]).

Недопустимость (6б) следует из того, что у “анафорического” *which* нет кореферентного antecedenta, поскольку вершинная ИГ *any plane* нереперентна. Указанное рассуждение, однако, опирается на одно существенное допущение, которое состоит в том, что анафорические местоимения (и в том числе анафорические ОМ) обязательно вступают в отношении кореферентности со своим antecedentом, которое осмысленно только для языковых выражений, каждое из которых имеет референт. Действительно, наиболее распространенным случаем употребления анафорических местоимений являются случаи так называемой референциальной анафоры ([35, с. 5]), при которых antecedent референтен, а анафорическое местоимение имеет с ним один и тот же референт. Однако в [19] убедительно показано, что анафорические выражения в русском языке способны вступать в разнообразные семантические отношения со своим antecedentом. Несколько огрубляя картину, можно сказать, что возможна как “кореферентность” с нереперентным antecedentом (коассигнация, т.е. наличие одинакового референциального индекса), при этом antecedent не совпадает с субститутом анафорического выражения, ср. (7), так и некореферентность при совпадении субститута с antecedentом – случай местоимений повтора (pronouns of laziness), ср. (8):

(7) а. [Тот человек, [который_i провалил порученное ему_i дело]], уволен [19, с. 151].

б. Каждому_i нравилась та задача, которую он_i решил [19, с. 152].

(8) а. Как раз тогда, когда *сознание_i* покинуло Степу в Ялте, *оно_j* (=сознание) вернулось к Бездомному в Москве [19, с. 149].

б. В этом году *президент_i* республиканец, но в один прекрасный день *он_j* (=президент) будет членом партии зеленых [36, с. 117].

В (7) имеет место связанная анафора ([37], [35], о связанной анафоре в русском см. [36]), при которой и анафорическое местоимение, и его antecedent соответствуют одной и той же переменной, связанной общим оператором (в (7а) это оператор определенной дескрипции, в (7б) – квантор общности). В (8) представлены употребления местоимений повтора, которые, согласно работе Хуанга [35, с. 7], не являются ни референциальными, ни связанными и функция которых состоит в “повторе” (repetition) antecedenta.

Существенные сложности для анализа представляет еще один тип анафорических местоимений – так называемая “анафора с осликом” (donkey anaphora), первоначально обнаруженная в английских предложениях типа (9) [38]:

(9) Every farmer who owns a donkey beats it.

Каждый фермер, у которого есть ослик, бьет его.

Для местоимения *it* в (9) не может быть применен такой же анализ, как для связанной переменной в (7б). Действительно, если *it* – это переменная, коиндексированная с *a donkey*, в рамках стандартного анализа сфера действия квантора существования, связывающего переменную в придаточном предложении, не включает местоимение *it* в главном. Для подобных анафорических выражений был предложен термин E-type anaphora ([39, 40], [41]). Исчерпывающий обзор истории изучения анафорических выражений такого типа представлен в [42], [43], на русском языке – [44], [36]; русские примеры приводятся в (10):

(10) а. Если у ребёнка *такой опыт* был, он ему поможет при потере близкого... [НКРЯ]

б. Любой врач, который извлечёт пулю из спины пациента, узнает её. [НКРЯ]

Таким образом, мы видим, что анафорические местоимения могут по-разному соотноситься со своим antecedentом. Если союзное слово *который* в аппозитивных ОП также является анафорическим выражением, то возникает вопрос, какие из рассмотренных нами интерпретаций анафорических местоимений для него доступны.

В (11) приводятся три примера русских аппозитивных ОП, в которых ОМ имеет различные типы употреблений. В (11а) antecedentом местоимения *который* является определенная дескрип-

ция *этих ребят*; между местоимением и antecedentом имеет место отношение кореферентности. В (11б) ни ОМ, ни его antecedent *пьяному купцу* не имеют референтов в мире говорящего. В данном случае речь идет о выборе референта в одном из возможных миров, и внутри каждого из них ОМ коиндексировано с дескрипцией *пьяный купец*. Наконец, в (11в) antecedent ОМ – именная группа *бешеными собаками*, которая имеет предикатный статус и не соответствует никакому референту ни в реальном, ни в возможном мире. ОМ в (11в) имеет генерический статус и референциально независимо от antecedента.

(11) а. Среди *этих ребят*, [которых, в общем-то, мало занимала идеологическая подоплека их работы], было много умных и по-настоящему талантливых, говоря современным языком, менеджеров. [НКРЯ]

б. Действительно, обидно будет, если достанется она *пьяному купцу*, [который запрет ее на кухне]. [НКРЯ]

в. Они стали *бешеными собаками*, [которых, как известно, отстреливают для безопасности общества]. [НКРЯ]

Очевидно, что в данных примерах представлены три различных типа употреблений ОМ, каждое из которых, заметим, отличается и от его употребления в рестриктивных ОП. Ниже мы более подробно обсудим данные типы.

Референциальные употребления

Под референциальными употреблениями мы понимаем такие использования ОМ в аппозитивных ОП, при которых antecedent ОМ референтен и местоимение указывает на этот референт.

Наиболее простым является случай, когда определяемая ИГ – это имя собственное или определенная дескрипция (12).

(12) а. *Наполеон*, [который плохо знал историю и хорошо ее делал], глянув с Воробьевой горы на кремлевские зубцы, изрек: – *Les frères murailles!* [НКРЯ]

б. Рита восхищалась *этими подвигами*, [которые знала по рассказам гартвиговских друзей]. [НКРЯ]

Употребление ОМ в данных конструкциях полностью эквивалентно употреблению рефе-

рентных местоимений 3-го лица, выражающих кореферентность с конкретно-референтной определенной ИГ (собственным именем или дескрипцией). Как пишет Е.В. Падучева [19, с. 150–152], здесь можно различать два случая: имена собственные в логическом смысле слова (*Наполеон*, *Декарт*, *Эверест*), которые являются константами не только в конкретном, но в любом дискурсе, с одной стороны, и определенные дескрипции, построенные в том числе на базе личного имени, с другой стороны. Так, например, в (13а) подлежащему соответствует определенная дескрипция (13б); дальнейшим отсылкам к данному референту соответствует переменная, связанная оператором дескрипции. Поскольку сферой действия определенной дескрипции является весь последующий дискурс, то на протяжении данного дискурса переменная, связанная оператором дескрипции, ведет себя как константа.

(13) а. *Ваня* никогда не ел слив.

б. *ix*. зовут (*x*, “Ваня”)

Таким образом, можно считать, что в пределах одного дискурса как именам собственным, так и определенным ИГ на базе личного или нарицательного имени соответствует один референт (возможно, групповой, как в (12б)). Именно к этому референту и отсылает ОМ *который* в примерах (12).

Еще один тип именных групп, получающих однозначный референт в пределах дискурса – это личные местоимения (14). К ним примыкают также местоимения 3-го лица в дейктическом употреблении.

(14) а. Но ни один человек – даже *я*, [который часто приезжал к ней рано утром], – не мог представить Евгению Васильевну не в форме. [НКРЯ]

б. Но *ты*, [который понимаешь язык ветра, дождя, травы], конечно, поймешь и меня, несложнo. [НКРЯ]

в. Интересно, а ты бы отдал своего ребенка в брак, Гусев? *Ты*, [который знает правила игры изнутри]? [НКРЯ]

Следует отметить, что в данном контексте характеристики ОМ существенно отличаются от свойств анафорического местоимения 3-го лица. В то время как *который* способно отсылать к местоимению 1–2 лица, для анафорического местоимения *он/она/оно/они* такая возможность недоступна:

(15) *Но ни один человек – даже y_i (а $он_i$ часто приезжал к ней рано утром) – не мог представить Евгению Васильевну не в форме.

Пример (14в) показывает, что личное местоимение и ОМ в аппозитивных ОП могут обладать разными синтаксическими признаками и при этом, однако, иметь один и тот же референт. На возможность кореферентности при несовпадении согласовательных признаков, в частности, признака рода, указывает Е.В. Падучева [19, с. 99]. Так, в примере (16)

“... скорее всего, антецедент местоимения – подлежащее, но согласование идет не по форме, а по содержанию”.

(16) [Наш гид]_i – пожилая женщина. Она_i родилась в Силезии.

Следующий тип определенных именных групп, к которым отсылает ОМ в аппозитивных ОП – это кванторные ИГ, в которых квантифицируется определенное множество. Анализируя примеры типа (17), Е.В. Падучева [19, с. 99] указывает, что здесь кванторная ИГ является референтной определенной, а *каждый* – показатель дистрибутивной, а не универсальной множественности.

(17) Каждый из ее недостатков можно устранить.

В аппозитивных ОП, определяющих такого рода кванторную ИГ, ОМ *который* отсылает к этому определенному множеству (18).

(18) а. Судья говорит присяжным напутственное слово. Ещё раз перечисляет *все допустимые доказательства*, которые присяжные уже видели и слышали. [НКРЯ]

б. Волга и пароходы мне чрезвычайно нравились. К приходу *каждого парохода* (из которых только один, “Князь Михаил Тверской”, был двухэтажный) я бегал на самолетскую пристань, где всякий раз служились молебны. [НКРЯ]

Стоит остановиться на выборе числовой формы местоимения *который* в таких конструкциях. В [1, § 2902] отмечается, что “специфика распространительной связи допускает отсутствие согласования между существительным и словом *который*: при форме ед. ч. существительного слово

который может иметь форму мн. ч.”. Рассогласование возникает, когда квантор требует именной группы в единственном числе (кванторное местоимение *каждый*). В таком случае ОМ *который* отсылает к множеству, явным образом не выраженному в главном предложении. Так, в (18б) за именной группой *каждого парохода* стоит в действительности не квантификация индивидов, удовлетворяющих предикату “быть пароходом”, а квантификация членов определенного множества пароходов. Множественное число местоимения *который* и отражает в данном случае референцию к этому множеству. Выбор формы множественного числа в этой конструкции аналогичен выбору формы “прагматического местоимения” (pragmatic pronoun), описываемому в [37]. Б. Парти указывает, что для целого ряда кванторных именных групп в английском языке местоимения, выражающие связанную анафору, и местоимения, выражающие прагматическую анафору, имеют разные числовые формы. Так, например, ИГ вида *every man* соответствует связанное местоимение *he* и прагматическое (отсылающее к группе) *they*. Аналогичные отличия можно наблюдать и в форме русских анафорических местоимений 3-го лица. Так, в (19) приводятся примеры, в которых квантифицируется определенное, “закрытое” множество. В (19а) анафорическое местоимение *ее* соответствует связанной переменной в сфере действия квантора. В (19б) анафорическое местоимение во множественном числе не связано квантором и отсылает к множеству шапочек. Наконец, в (19в) выбор между анафорическим местоимением единственного и множественного числа отражает интерпретацию местоимения как связанного или как референциального.

(19) а. Бежали женщины с поддержкой. <...> В паре с *каждой спортсменкой* бежал мужчина и крепко держал *ее* за руки. [НКРЯ]

б. Она примерила *каждую шапочку* и, наверное, решив, что *они* ещё не досушились, снова повесила *их* на колья. [НКРЯ]

в. У *каждой работницы* свой участок, и зарплата *ее* (/ *их*) зависит от количества и качества собранных овощей. [НКРЯ]

Мы видим, что в аппозитивных ОП, определяющих кванторную ИГ, где квантификация происходит по закрытому множеству, ОМ *который* ведет себя так же, как анафорическое местоимение.

Наконец, наиболее проблематичный случай, который мы рассмотрим в данном разделе, это

случай, когда аппозитивное ОП определяет референтную неопределенную ИГ.

(20) а. Они лежали на соломе, натянув поверх себя *толстый брезент, которым* обычно накрывали груз. [НКРЯ]

б. Андрей с двоюродным братом отправились на водохранилище, но когда они подошли поближе, то увидели *солдата, которого* раньше здесь не было. [НКРЯ]

В примерах (20) и определяемая именная группа, и ОП референтны, и между этими ИГ имеет место отношение кореферентности. На первый взгляд интерпретация ОП в (20) ничем не отличается от рассмотренных выше случаев, когда вершинная ИГ референтная определенная. Существуют ли здесь какие-либо различия, зависит от наших взглядов на интерпретацию референтных неопределенных именных групп и отсылающих к ним анафорических выражений.

Для того, чтобы оценить возможные альтернативы, рассмотрим пример из работы Е.В. Падучевой [19].

(21) Я знал рабочего₁. Он₁ был неграмотен. (Маяковский)

Очевидно, что в (21) мы должны ввести новый референт (неопределенная референтная ИГ *рабочего*) и добиться того, чтобы анафорическое местоимение в следующем предложении было коиндексировано со своим антецедентом. Обеспечить коиндексацию ИГ *рабочего* и анафорического местоимения *он* можно разными способами. Первый способ – считать, что анафорическое местоимение в (21) представляет собой переменную. В таком случае она должна быть связана тем же оператором, что и ИГ *рабочего*. Ясно, что согласно традиционному представлению о сфере действия операторов (в сферу действия операторов входят лишь те составляющие, над которыми оператор имеет структурный приоритет) даже после подъема квантора в (21) он не сможет связать переменную в следующем предложении. Поэтому для сохранения анализа анафорического местоимения в (21) как связанной переменной необходимо, чтобы соответствующий оператор имел сферу действия как минимум над отрезком дискурса. Семантическое представление (21) будет выглядеть как (22):

(22) \exists_1 рабочий (x_1) \wedge знал (x_1)(я) \wedge неграмотен (x_1)

Допущение о дискурсивной сфере действия оператора существования позволяет превратить некоторые типы “несвязанной анафоры” в связанную. Подобный анализ развивается в семантических теориях репрезентации дискурса – DRT [45] и Семантике изменения файла (File Change Semantics) [46].

Если допущение о дискурсивной сфере действия некоторых операторов по каким-либо причинам неприемлемо и сфера действия квантора существования (или оператора введения в рассмотрение R в [19]) ограничена областью, над которой оператор имеет структурный приоритет в семантическом представлении (т.е. первое предложение в примере (21)), ясно, что добиться связывания этим оператором переменной, соответствующей анафорическому местоимению *он* во втором предложении, невозможно. Кроме того, интерпретация в (22) соответствует также и предложению (23), которое, в отличие от (21), уместно в ситуации, когда говорящий знал несколько рабочих, лишь один из которых был неграмотным.

(23) Я знал одного неграмотного рабочего.

Различия между (21) и (23) позволяют предположить, что местоимение в (21) отсылает к уже введенному в рассмотрение участнику, фиксированному в пределах дискурса. При таком подходе за анафорическим местоимением в (21) стоит определенная дескрипция. Именно такой анализ предлагает для своего примера Е.В. Падучева (24). Анафорическое местоимение интерпретируется как определенная дескрипция, построенная на основе той предикации, в которую входит антецедент анафорического местоимения.

(24) R_x рабочий (x) знал (я, x) & и y рабочий (y) знал (я, y) неграмотен (y)

Представление об анафорическом местоимении, кореферентном неопределенной ИГ, как определенной дескрипции в (24) предполагает, что перифразом (21) является (25):

(25) Я знал рабочего. **Тот рабочий, которого я знал**, был неграмотен.

Анафорическое местоимение *он* в (21) относится, согласно классификации в [19], к разряду дескриптивных. Похожий анализ для анафорических местоимений – определенных дескрипций

при анафоре E-туре предлагается в [47], [41]: предикатный компонент для данной дескрипции обеспечивается отношением R, доступным из контекста.

Следует отметить, что «предикатная» часть дескрипции может пониматься по-разному. В той же работе Е.В. Падучева указывает, что в ряде случаев, возможно, более правильным будет перифраз (26), а не (25):

(26) Я знал рабочего. **Тот рабочий, о котором шла речь**, был неграмотен.

Аналогичное предложение высказывает и П. Элбурн [48–50]: анафорическому местоимению, антецедентом которого является неопределенная ИГ, соответствует определенная дескрипция, построенная на основе группы общего имени антецедента (*the worker*). Компонент ‘о котором шла речь’, т.е. ‘знакомость’ (familiarity) референта реализуется определенным артиклем.

Предпринятое обсуждение показывает, что при различных подходах анафорическое местоимение, кореферентное неопределенной ИГ, может интерпретироваться и как переменная, и как определенная дескрипция. Постулирование определенной дескрипции необходимо, если анафорическое местоимение оказывается вне сферы действия оператора, связывающего антецедент. В различных теориях предполагаются различные сферы действия операторов, «ответственных» за появление референтных неопределенных именных групп. Понятно, что от этого выбора зависит и интерпретация местоимения *который* в аппозитивных ОП. Кроме того, если мы принимаем анализ, согласно которому оператор, связывающий антецедент местоимения *который*, действует только на уровне предложения, принципиальным оказывается вопрос о том, входит ли в его сферу действия аппозитивное ОП. Два возможных варианта представлены в (27).

(27) а. [*Op* [[главное] [аппозитивное]]]
б. [[*Op* [главное]] [аппозитивное]]

В (27а) аппозитивное ОП интерпретируется как подчиненное главному, поэтому при подъеме оператора аппозитивное ОП оказывается в его сфере действия. В (27б) оператор не имеет структурного приоритета над аппозитивным ОП. Это может произойти, например, если отношение между главным предложением и аппозитивным

ОП не подчинительное, а сочинительное. Учитывая возможный анализ в духе [32], при котором аппозитивное ОП при интерпретации поднимается из своей базовой позиции внутри главного предложения, возникает еще один вариант деривации (27б), когда подъем оператора из главного предложения происходит до того, как поднимается аппозитивное ОП.

Итак, мы видим, что выбор варианта анализа для ОП с неопределенным референтным антецедентом предопределяется не только нашими представлениями о структуре аппозитивного ОП и его отношении к главному предложению, но и – в решающей степени – представлениями об интерпретации самих неопределенных выражений и отсылающих к ним анафорических местоимений. В этой связи мы не готовы сделать окончательный выбор; вместо этого мы рассмотрим возможные варианты, указав, какие независимые допущения с ними совместимы.

Так, для (20а), повторяемого здесь как (28), возможны несколько вариантов анализа.

(28) Они лежали на соломе, натянув поверх себя толстый брезент, которым обычно накрывали груз.

Если неопределенная ИГ *толстый брезент* и местоимение *который* связаны одним оператором, то ОП *который* соответствует переменной. При таком анализе оператор должен либо иметь максимально широкую сферу действия (например, на уровне дискурса), либо действовать на уровне предложения, но тогда аппозитивное ОП должно интерпретироваться в структуре вида (27а).

Если же ИГ *толстый брезент* и ОП не связаны одним оператором, ОП соответствует определенной дескрипции. Из возможных вариантов такой дескрипции более естественным представляется ‘этот толстый брезент’. Построение полной дескрипции в духе (24) потребовало бы включения в нее всего материала главного предложения (‘тот толстый брезент, который они натянули поверх себя...’). Поскольку по меньшей мере местоимение *они* в данной дескрипции референциально зависимо от предыдущего контекста, для его интерпретации также необходимо строить определенную дескрипцию на основе первого упоминания, т.е. введения в рассмотрение, его антецедента, и т.п. Понятно, что такого рода ‘вложения’ одних дескрипций в другие ограничены лишь тем, что тексты (и тем самым число референци-

альных зависимостей влево от дескриптивного местоимения) в принципе конечны.

Итак, возможны два анализа местоимения *который* в аппозитивных ОП, кореферентного с неопределенной референтной ИГ: (а) как переменной, связанной единым с антецедентом оператором, и (б) как определенной дескрипции, строящейся на основе антецедента.

Последнее замечание, которое следует сделать в этом разделе, касается аппозитивных ОП, определяющих кванторные ИГ, соответствующие референтным неопределенным множествам, по которым происходит квантификация.

(29) а. Также министр высказал пожелание закрепить за *каждой преступной группировкой* (которые, видимо, давно и хорошо известны правоохранительным органам!) ответственного по линии криминальной милиции. [НКРЯ]

б. В ближайших кустах они выломали себе каждый *по палке, которыми*, всякий раз, прежде чем ступить в чёрную жижу, пороли в неё, нащупывая дно. [НКРЯ]

Отличие примеров (29) от примеров (18) в том, что в (18) множество является определенным, а в (29) впервые вводится в рассмотрение. Понятно, что анализ ОМ в примерах (29) аналогичен анализу ОМ с референтным неопределенным антецедентом в (20). Разница лишь в том, что в (29) речь идет не об индивиде, а о множестве.

Нереферентные употребления с коассигнацией

Под нереферентными употреблениями с коассигнацией мы понимаем такие использования ОМ в аппозитивных ОП, при которых ни антецедент ОМ, ни само местоимение *который* не референтны, но при этом коиндексированы, т.е. их потенциальные референты варьируют одновременно. Рассмотрим сперва подобные конфигурации вне аппозитивных ОП.

Коиндексирование антецедента и анафорического местоимения при отсутствии референтности возможно в следующих случаях. Во-первых, это контексты, в которых и антецедент, и анафорическое местоимение находятся в сфере действия квантора по ситуациям, имевшим место в реальном мире. В каждой из таких ситуаций фиксируется локальный референт, и анафорическое местоимение отсылает к этому локальному референту. Понятно, что в каждой ситуации выбирает-

ся конкретный референт реального мира, однако при описании множества таких однотипных ситуаций, как поясняет И.М. Кобозева, «мысленное “сжатие” последовательности событий <...> создает необходимость в отсылке к референту, который для каждого события из множества – свой, что и создает ситуацию нефиксированности, невыбранности референта, характерную для ИГ с экзистенциальным статусом» [51, с. 234–235]. Так, в примере (30а) дистрибутивный оператор (*каждый день*) распределяет антецедент (*разные бумажки*) по ситуациям, имевшим место в реальном мире. В каждой из этих ситуаций референт антецедента фиксирован, и анафорическое местоимение имеет тот же референт. Аналогичную интерпретацию получает (30б) с кванторным наречием *всегда*: утверждается, что в любой релевантной ситуации имел место подарок, и каждый из подарков шумно вручался³.

Второй случай коассигнации нереферентных антецедента и анафорического местоимения – это совпадение локальных референтов не в реальном, а в возможных мирах. Е.В. Падучева [19, с. 156–158] указывает на целый ряд контекстов, в которых возникают возможные миры: это контекст условного оператора, дизъюнкции, императива, будущего времени, предикатов пропозициональной установки. Так, в (30в) пропозиция истинна в тех возможных мирах, развивающихся из реального мира, в которых говорящий нанимает себе помощников (*пару оболтусов*). Внутри этих миров фиксируются конкретные референты ИГ *пара оболтусов*; анафорическое местоимение *они* в следующем предложении отсылает к этому локальному референту в каждом из возможных миров. Аналогично устроено и предложение (30г), где отличные от реального миры описываются в аподосисе контрфактической условной конструкции. Наконец, в примере (30д) представлен синтез этих двух случаев: будущее время вводит возможные миры, внутри каждого из которых дистрибутивный оператор по окружностям распределяет многоугольники. Фиксировав в каждом мире для каждой окружности вписанный в нее многоугольник, мы получаем локальный референт анафорического местоимения *его*.

(30) а. Почти каждый день он приносил ей *разные бумажки*; она прочитывала *их* и с сожалением говорила ему, что эти справки не те, какие нужны. [Я]

³ Об интерпретации кванторных наречий (*всегда, иногда, обычно*) как кванторов по ситуациям и об их использовании для решения проблемы анафоры E-типе см. [52–53].

б. Антон Александрович всегда приносил мне *подарки*. И очень шумно вручал *их*. [НКРЯ]

в. <В лом мне самому будет эту фуру разгружать, заеду-ка я в негритянский квартал,> найму себе *пару оболтусов* за 5 баксов, *они* мне все и разгрузят. [Я]

г. <Если бы мы были такие, как вы, ...> таскалась бы [ты] с *таким же вот, как этот Зыбин*; он бы стишки читал, а ты бы *ему* хлопала... [НКРЯ]

д. Впишем в каждую из окружностей *правильный многоугольник*, и будем удваивать число *его* сторон (пример из [19, с. 157]).

Понятно, что в данных примерах мы снова сталкиваемся с проблемой несвязанной анафоры: для правильной интерпретации примеров (30) необходимо, чтобы анафорическое местоимение и его antecedent находились в сфере действия общего дистрибутивного или миропорождающего оператора, однако с синтаксической точки зрения такой оператор обнаруживается либо только в левом конъюнкте (квантор в (30а-б)), либо в каждом из конъюнктов выражен по отдельности (будущее время в (30в, д), сослагательное наклонение в (30г)). При этом для интерпретации, скажем, (30в) нужно, чтобы возможные миры, порождаемые в левом конъюнкте и правом конъюнкте, варьировали не независимо, а были коиндексированы. Очевидно, что если предположить, что в (30в-д) присутствует по два миропорождающих оператора, проблема обеспечения коиндексации порождаемых ими миров аналогична проблеме обеспечения коиндексации анафорического местоимения и его подкванторного antecedent в (9), то есть мы получаем “несвязанную анафору” не для индивидов, а для миров. Заметим также, что аналогичные трудности вызывает и наличие двух операторов по ситуациям в (31): в (31а) необходимо добиться, чтобы каждая из ситуаций, в которой подарок вручается, была коиндексирована с ситуацией, в которой подарок приносится, иначе анафорическое местоимение будет лишено локального референта; в (31б), кроме того, оператор *обычно* квантифицирует не ситуации вручения подарка сами по себе, а расширения ситуаций, в которых подарок был принесен, до ситуаций, в которых он вручался.

(31) а. Антон Александрович каждый раз приносил мне *подарок*. И каждый раз очень шумно вручал *его*.

б. Антон Александрович каждый раз приносил мне *подарок*. И обычно очень шумно вручал *его*.

Возвращаясь к интерпретации ОМ в аппозитивном ОП, можно заключить, что для местоимения *который* в аппозитивных ОП обнаруживаются те же возможности, что и для анафорического местоимения. В (32) приводятся примеры связанной интерпретации ОМ в сфере действия дистрибутивного оператора, находящегося в главном предложении:

(32) а. Я обычно подавал ей *платок, который* смятым оставался в ее кулаке до самого конца. [НКРЯ]

б. Каждая гейша рано или поздно обретает *покровителя, который* за право вызывать ее в любое время платит хозяйке заведения очень крупную сумму. [НКРЯ]

в. Я учился на инфаке и подолгу, прильнув к приемнику, скрупулезно записывал *каждое* *незнакомое мне английское слово*, значение *которого* затем выяснял в словаре. [Я]

В (32а) antecedent местоимения *который* находится в сфере действия кванторного наречия *обычно*; в каждой из релевантных ситуаций у ИГ *платок* возникает локальный референт, и ОМ отсылает к этому референту. Таким образом, локальный референт antecedent и ОМ варьируют вместе с подкванторными ситуациями. В (32б) представлен классический случай анафоры E-type: локальный референт ОМ варьируют в соответствии с варьированием локального референта ИГ *гейша*, связанной квантором. В (32в) источником квантификации является сама определяемая аппозитивным ОП именная группа. Квантор *каждый* распределяет референтов (*незнакомое английское слово*) по ситуациям, описываемым в главном предложении, и ОМ отсылает к создаваемым таким образом локальным референтам.

Легко видеть, что анализ для ОМ (переменная vs. определенная дескрипция) в данном случае аналогичен анализу ОМ с неопределенным antecedentом. Действительно, вопрос сводится к тому, какова сфера действия оператора, связывающего antecedent. Если аппозитивное ОП (и тем самым местоимение *который*) не входит в его сферу действия (ср. (27б)), анализ со связанной переменной неприменим. Отметим и еще одно дополнительное ограничение, возникающее в данном случае: сфера действия оператора, связывающего antecedent (например, квантора существования) должна быть заведомо не шире, чем сфера действия дистрибутивного оператора (иначе бы, например, в (32а) мы получали интерпретацию с референт-

ной неопределенной ИГ – *каждый раз подавал один и тот же платок*). Поэтому выбор варианта анализа с широкой (например, дискурсивной) сферой действия оператора, связывающего и антецедент, и само ОМ, с необходимостью влечет не менее широкую сферу действия дистрибутивного оператора.

Рассмотрим теперь аппозитивные ОП в контексте миропорождающих операторов. В (33а) представлен контекст будущего времени, в (33б) – эпистемического модального глагола *мочь*, в (33в) – протазиса контрфактического условного предложения, в (33г) – отрицания.

(33) а. – Знаешь, Герман, я тебе денег не дам, но походатайствую за тебя перед *каким-нибудь банком, который* выдаст деньги под мою гарантию. [НКРЯ]

б. Если это произойдет, то в таких местах могут образоваться *трещины, которые* будут разрушать инструмент. [НКРЯ]

в. <... ему казалось теперь, что> если бы Ольга Дмитриевна вышла за *другого, который* мог бы иметь на нее доброе влияние, то – кто знает? [НКРЯ]

г. Я был потрясен этой циничноватой логикой и тем, что во время стучания по столу пальцем изнутри стола не исходил *никакой резонанс, который* свидетельствовал бы о его набитости великими, стратегически скрывааемыми от человечества рукописями. [НКРЯ]

Такого рода операторы, как и кванторы, могут иметь сферу действия над всем предложением и тем самым над неопределенной именной группой, которая в таком случае является нереферентной. Например, в (34) ИГ *милиционеры* может быть проинтерпретирована и как референтная (34а) – в таком случае она находится вне сферы действия модального глагола *мочь* и независима от миров, которые он порождает, – и как нереферентная, получающая локальных референтов в каждом из возможных миров (34б).

(34) Милиционеры могут пристрелить на месте за такие художества. [НКРЯ]

а. $\exists > \text{мочь}$

б. $\text{мочь} > \exists$

Таким образом, миропорождающие операторы при анализе типа (27а) способны иметь структур-

ный приоритет, и тем самым сферу действия над аппозитивным ОП, а значит, и над ОМ *который* в его составе. Для структуры вида (27б) необходимы отдельные механизмы, обеспечивающие коассигнацию ОМ и его антецедента.

Один из возможных механизмов – это предположение, что сфера действия миропорождающего оператора не ограничена составляющей, над которой он имеет структурный приоритет на интерпретационном уровне. В таком случае необходимы особые правила, отображающие каждый из последующих дискурсивных отрезков в реальный мир либо в миры, порождаемые в предыдущем отрезке. Соответственно, неиндикативные формы глагола в аппозитивных ОП в (33) не будут анализироваться как миропорождающие операторы, а будут лишь сигнализировать о продолжении “дискурсивной ветви” в возможном мире. Понятно, что данная задача может быть решена только в рамках моделирования структуры дискурса; наиболее перспективным представляется использование аппарата риторических отношений, разработанного в сегментированной теории репрезентации дискурса SDRT [54–55]. Нельзя не отметить, что такой анализ коиндексации возможных миров напоминает анализ анафоры с неопределенным антецедентом при помощи экзистенциального закрытия на уровне дискурса.

Аналогом конкурирующего анализа анафоры E-типе, создающего определенную дескрипцию на основе предыдущего контекста, можно считать теорию модального подчинения (modal subordination) К. Робертса [56], развиваемую в рамках теории репрезентации дискурса (DRT) [45]. Робертс указывает, что при наличии в отрезке дискурса двух модальных операторов, создающих коиндексированные миры, они не обязательно должны быть идентичны: так, в примере (35) первый – эпистемическая возможность, а второй – необходимость. Следовательно, распространение сферы действия модального оператора из первого предложения в (35) на второе дает неадекватную семантическую интерпретацию. Отрезок дискурса в (35) не означает “возможно, в дом забрался вор и взял столовое серебро”; он значит нечто большее: “возможно, в дом забрался вор; если в дом забрался вор, он с необходимостью взял столовое серебро”.

(35) а. A thief might break into the house. He would take the silver.

б. В дом мог забраться вор. Он бы взял столовое серебро.

Таким образом, первое из предложений в (35) не только создает возможные миры, но и служит рестриктором для миров, свойства которых утверждаются во втором предложении. В теории DRT мини-дискурсу в (35) соответствует следующая репрезентация (36):

(36)

Поскольку весь дискурс в (35) не делает никаких утверждений о реальном мире, а сообщает лишь о возможных мирах, все пропозициональное содержание помещается в подчиненные рамки. Первое предложение сообщает о возможности миров, в которых вор забирается в дом; ему соответствует верхняя рамка, слева от которой располагается ромб – оператор возможности. Второе предложение сообщает, что для тех миров, в которых истинно утверждение “вор забрался в дом”, с необходимостью истинно и утверждение “он взял столовое серебро”. Поскольку в рестрикторе (левая нижняя рамка в рамочном разломе) уже содержится переменная x , переменная y в сфере действия оператора необходимости (правая нижняя рамка) получает доступный антецедент для отождествления ($y=x$). Легко видеть, что создание рестриктора для возможного мира на базе предыдущего предложения – это явный аналог создания определенной дескрипции на основе предикации, в которую входит антецедент анафорического местоимения E-type.

Возвращаясь к примерам аппозитивных ОП в (33), следует отметить, что анализ в духе модального подчинения обеспечивает лучшее соответствие эмпирическим данным, чем анализ с единым миропорождающим оператором. Примеры в (33) показывают, что модальный оператор в аппозитивном ОП может не совпадать с оператором в главном предложении. Например, в (33б) в главном предложении описываются возможные миры (оператор \diamond): “возможно, что образуются трещины”; в аппозитивном ОП утверждается, что в тех мирах, в которых трещины образуются, они с необходимостью будут разрушать инструмент (оператор \square). Показательно также (33в): главное и аппозитивное предложения образуют протазис условной конструкции и, следовательно, располагаются в левой рамке при рамочном разломе,

описывающем условную конструкцию. При этом в аппозитивном ОП присутствует модальный оператор *мочь*, создающий подчиненную рамку внутри данной. Рестриктор в условной конструкции интерпретируется следующим образом: это такие миры, в которых Ольга Дмитриевна вышла за другого; причем возможно, что в мирах, в которых Ольга Дмитриевна вышла за другого, он имеет на нее доброе влияние. Наконец, в (33г) определяемая ИГ *никакой резонанс* находится в сфере действия оператора отрицания; главное предложение сообщает, что в реальном мире резонанса не существовало. В аппозитивном ОП утверждается, что в тех мирах, в которых стучание по столу пальцем вызывало бы резонанс, он с необходимостью свидетельствовал бы о наличии в столе рукописей.

Преимущество подхода К. Робертса особенно очевидно в случае, когда источником миропорождающего оператора является предикат пропозициональной установки. Рассмотрим примеры аппозитивных ОП, определяющих ИГ в сфере действия таких предикатов (37).

(37) а. О’Киффи и Бернетт целились высоко – они **хотели** создать *небольшое агентство, которое обслуживало бы нескольких крупных клиентов*. [НКРЯ]

б. **Боюсь** нарваться на *недотену, который окончательно все испортит*. [НКРЯ]

в. За это время Штааль **надеялся** обзавестись *связями, которые помогли бы ему добраться до верхов революции*. [НКРЯ]

В отличие от эпистемических модальных глаголов или неиндикативного наклонения, миропорождающий оператор предикатов пропозициональной установки имеет сферу действия не над всем предложением, а только над вложенной предикацией. Сравним (34) и (38), в котором модальный глагол *мочь* заменен на предикат пропозициональной установки *хотеть*. Интерпретация, при которой бы неопределенная ИГ *милиционеры* была в сфере действия миропорождающего оператора, оказывается недоступной.

(38) Милиционеры хотят пристрелить меня на месте за такие художества.

а. $\exists >$ хотеть

б. * хотеть $> \exists$

Ясно, что сохранить одновременно узкую сферу действия предиката пропозициональной

установки, соотносящуюся с составляющей, над которой он имеет структурный приоритет, и интерпретацию аппозитивного ОП в позиции непосредственной составляющей главного предложения невозможно: антецедент ОМ окажется в сфере действия интенционального оператора, в то время как само местоимение – вне его.

Можно было бы предположить, что аппозитивное ОП при интерпретации поднимается лишь до уровня глагольной группы и, таким образом, не выходит за рамки сферы действия оператора. Однако такое предположение не позволяет решить проблему в общем виде. Действительно, в контекстах типа (39) не существует никакой возможности обеспечить попадание анафорического местоимения в синтаксическую сферу действия предиката пропозициональной установки из первого предложения; тем не менее интерпретация анафорического местоимения предполагает коассигнацию антецедента и местоимения в каждом из возможных миров, как и в рассматриваемых нами примерах с аппозитивными ОП.

(39) а. Я хочу, чтобы ты наняла домработницу. Она_i будет помогать тебе по хозяйству.

б. Джон считает, что в дом мог залезть вор_i. Мэри опасается, что он_i мог украсть столовое серебро. (перевод примера из [42])

Итак, анализ в духе [56] позволяет избавиться от необходимости постулировать неограниченно широкую сферу действия миропорождающих операторов, хотя при этом, как отмечает Ф. Молтманн [42] и сам К. Робертс, возникают проблемы с выбором рестриктора для интенционально подчиненного предложения, аналогичные проблемам с выбором правильного содержания определенной дескрипции в “ослиных предложениях”. Ограничений на рестриктор, предлагаемых К. Робертсом (требование эксплицитного присутствия потенциальных антецедентов анафорических единиц), как показывает Ф. Молтманн, явно недостаточно.

Завершая раздел, мы остановимся еще на одном типе употреблений ОМ в аппозитивных ОП, связанном с генерическими контекстами. Следует отметить, что интерпретация генерических высказываний на сегодняшний день представляет собой одну из наиболее активно разрабатываемых проблем в формальной семантике; в обобщающей работе [57] намечены лишь основные вопросы и дихотомии в проблемной области. В (40) приводятся некоторые примеры предложений, в интерпретации которых задействовано понятие генеричности.

(40) а. У моей подруги сын курит, практически в открытую. [НКРЯ]

б. Итальянцы завтракают только чашечкой кофе. [НКРЯ]

в. Рыжая полёвка различает жёлтый и красный цвета. [НКРЯ]

г. Он <заповедник> был организован в 1935 году для спасения русской выхухоли. [НКРЯ]

В (40а) мы имеем дело с генерическим, или характеризующим, *предложением*: конкретный референт (*сын подруги*) охарактеризован как обладающий определенным свойством, которое проявляется обычно в релевантных ситуациях. Для таких случаев может быть предложен анализ, согласно которому образуется трехчленная семантическая структура, аналогичная той, что описывает квантификацию по ситуациям наречиями типа *всегда*, *обычно* и т.п. Оператор генеричности Gen имеет сферу действия над всем предложением; в рестрикторе содержится описание ситуаций, в которых могло бы происходить курение; в матричной части, или основной сфере действия, содержится переменная данной ситуации (ср. неформальное описание в (41)).

(41) Gen [x, s;] (x = сын подруги ∧ s – релевантная ситуация для курения ∧ s содержит x; x курит в s)

В (40б) генерическое предложение характеризует ИГ *итальянцы*. Отличие (40б) от предыдущего примера в том, что x представляет собой не константу, а переменную, которая также связывается оператором Gen:

(42) Gen [x, s;] (x – итальянец ∧ s – ситуация завтрака ∧ s содержит x; x выпивает чашку кофе в s ∧ x больше ничего не ест и не пьет в s)

В (40в) характеризуются скорее не конкретные индивиды, для которых удовлетворяется предикат *быть рыжей полёвкой*, а род, или тип (kind) рыжих полёвок. Для таких именных групп Е.В. Падучева [19] предлагает особый денотативный статус – родовые ИГ. В принципе для родовых ИГ в (40в) возможно предложить анализ типа (42), так чтобы оператор Gen связывал переменную по индивидам x, таким что x является представителем рода рыжая полёвка (при этом потребуются специальный оператор, преобразующий констан-

ту – имя рода в предикат над индивидами в духе [58–60]). Однако существование примеров типа (40г) показывает, что родовые ИГ встречаются не только в характеризующих предложениях, а значит, референция к родам как особым типам объектов существует независимо от генерического оператора над ситуациями (ср. [61]). Возвращаясь к примеру (40б), можно отметить, что ИГ *итальянцы* также может быть проинтерпретирована как родовая; в таком случае в рестрикторе генерического оператора Gen останется лишь переменная по ситуациям.

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что генерические ИГ представляют собой либо переменные, входящие в рестриктор и сферу действия генерического оператора Gen, либо константы особого типа – наименования родов (kinds). Отсюда следует, что анафора с такого рода антецедентом оказывается либо связанной, либо референциальной. Примеры аппозитивных ОП, в которых ОМ отсылает к генерическим ИГ, приводятся в (43).

(43) а. Также следует добавить, что овцебык остается зимовать на севере, в отличие от *северного оленя, который* зимовать уходит на юг в лесную зону... [НКРЯ]

б. Такая же печальная участь постигла и *стеллерава баклана, который* водился только на острове Беринга. [НКРЯ]

в. В марте нынешнего года он и будет поднимать в воздух *обновленный серыйный Як-130, который* в России выиграл конкурс как лучший учебно-боевой самолет. [НКРЯ]

Подведем промежуточные итоги. В предыдущих разделах мы обнаружили, что ОМ *который* в аппозитивном ОП коиндексировано с определяемой им именной группой. Коиндексирование может интерпретироваться как кореферентность, когда ОМ и его антецедент референтны, т.е. обозначают объекты реального мира, или как коассигнация, когда местоимение и антецедент одновременно варьируют в квантифицированных ситуациях или возможных мирах. Существует две принципиальные возможности обеспечить коиндексирование местоимения и антецедента. Первая возможность – это постулирование такой сферы действия соответствующего оператора, чтобы в нее входили и антецедент, и ОМ. Вторая возможность – это использование антецедента (и, возможно, связанного с ним материала) в качестве рестриктора для оператора, который связывает местоимение.

В следующем разделе мы рассмотрим принципиально иной вид отношения местоимения *который* в аппозитивном ОП и определяемой именной группы, который несводим к коиндексированию ни в каком из вариантов. Речь пойдет об использовании ОМ в аппозитивном ОП в качестве местоимения повтора (pronoun of laziness).

Относительное местоимение как местоимение повтора

Е.В. Падучева [19] отмечает, что для анафорических местоимений 3-го лица в русском языке возможно несколько типов употребления в функции местоимений повтора, связанных с различными денотативными статусами антецедента и местоимения. Во-первых, это референтные употребления вида (44а), возможные, по мысли Падучевой, только для реляционных имен. Во-вторых, это любые сочетания предикатного и родового денотативного статусов (44б). В-третьих, это разнообразные сочетания нереперентных денотативных статусов с экзистенциальным, например, (44в).

(44) а. У Маши *дети* взрослые, а у Даши *они* в детский сад ходят.

б. Иван был *тракторист*, каким *его* рисуют на обложке журнала.

в. Правда, в Вентмилье пока нет *велосипедной трассы*, но уже собираются деньги для *ее* постройки.

Примеры вида (44а) и их английские аналоги типа (45а), известные под названием *раусчек sentences* – “предложения с чеком” (классический пример из [62]), удается свести к связанной анафоре, постулировав при интерпретации АТВ-передвижение⁴ антецедента местоимения повтора в такую позицию, из которой он связывал бы как свой след, так и местоимение, которое в таком случае оказывается резумптивным, т.е. служащим лишь для указания синтаксической позиции,

⁴ АТВ (Across-the-Board) передвижение – это одновременное передвижение некоторого элемента из нескольких исходных позиций в одну производную позицию. Наиболее известными случаями явного АТВ-передвижения являются выдвигание вопросительных местоимений (ia) и кванторных ИГ (ib) из сочиненных конструкций:

(i) а. Что_i Петя продал t_i, а Вася купил t_i?

б. Каждого_i кто-то любит t_i и кто-то ненавидит t_i.

Подробнее о семантических эффектах АТВ-передвижения см., например, в [64].

из которой произошло передвижение (ср. анализ (45б) из [63]):

(45) а. The man who gave *his paycheck* to his wife was wiser than the man who gave *it* to his mistress.

‘Тот, кто отдал *свой чек* жене, умнее того, кто отдал *его* любовнице’.

б.

the man who [his paycheck]_i gave t_i to his wife was wiser than gave it_i to his mistress

Анафора такого типа, как отмечает И. Хаик, накладывает довольно жесткие ограничения на синтаксическую структуру содержащих ее предложений. В частности, antecedent и анафорическое местоимение должны занимать идентичное положение (в (45) – прямое дополнение в рестриктивном ОП) в обеих синтаксических конфигурациях, интерпретируемых как сочиненные.

Возможно ли использование ОМ в аппозитивных ОП в подобной функции? В НКРЯ таких примеров обнаружить не удалось; сконструированный пример в (46а), как представляется, сомнителен, при том что сочиненная конструкция в (46б) кажется допустимой. Наиболее естественным объяснением данной асимметрии может служить запрет на интерпретацию ОМ *который* в аппозитивном ОП как резумптивного. Это означает, что (46а) не может быть получено путем одновременного выдвигания именной группы *малолетние дети* из двух исходных позиций, так чтобы ее след в аппозитивном ОП озвучивался как местоимение *который*.

(46) а. ^{???}Малолетние дети, которые у Маши ходят в детский сад, у Даши сидят с няней.

б. Малолетние дети у Даши t_i сидят с няней, а у Маши (они)_i ходят в детский сад.

Таким образом, ОМ *который* в аппозитивном ОП не может быть одновременно определенным и не-корреферентным со своим референтным antecedentом.

Рассмотрим теперь допустимые для ОМ референциально независимые употребления.

Наиболее очевидный случай референциальной независимости ОМ и его antecedenta – это случай, когда либо местоимение, либо его antecedent, либо оба они имеют предикатный денотативный статус.

(47) а. Они стали *бешеными собаками*, *которых*, как известно, отстреливают для безопасности общества. [НКРЯ]

б. Комитет искал для себя *постоянного местопребывания*, *которым* со временем стал Бейрут. (пример из [19])

в. Был назначен и *председатель этой комиссии*, *которым* стал начальник войсковой ПВО генерал-полковник Владимир Данилкин. [НКРЯ]

В (47а) предикатный статус имеет antecedent ОМ – определяемая именная группа; в (47б) как предикат интерпретируется ОМ; наконец, в (47в) предикатный статус имеют как antecedent, так и ОМ.⁵

Примеры в (47) показывают, что субститутом ОМ выступает группа общего имени. Так, перифразом (47а) является (48); в создании дескрипции – субститута ОМ предикативный материал, содержащийся в главном предложении, не участвует:

(48) Они стали *бешеными собаками*. *Бешеных собак* (#*Бешеных собак, которыми они стали*), как известно, отстреливают для безопасности общества.

Такого рода аппозитивные ОП сходны с ОП, вводимыми союзным словом *каковой*.⁶ В [1, § 2880] отмечается, что в современном языке союзное слово *каковой* используется лишь со специальным стилистическим заданием, однако даже принимаемая во внимание стилистическая окрашенность предложений типа (49), нельзя не отметить, что, во-первых, ОП в них являются аппозитивными и, во-вторых, союзное слово *каковой* неизменно имеет предикатный денотативный статус.

(49) а. Нижегородские дамы сперва путали его с братом, принимая и его за поэта, *каковым* он на самом деле и был в душе (пример из [1]).

б. Лавров пытался изложить своё понимание путей развития универсального алгоритмического языка, *каковым*, по его убеждению, Алгол ещё не являлся, и тем самым повлиять на разработку новой версии языка. [НКРЯ]

Данное наблюдение подтверждает нашу гипотезу о возможности предикатной интерпретации местоимения *который* в аппозитивных ОП, по-

⁵ О предикатном статусе третьего актанта глаголов типа *выбрать, назначить* см. [65].

⁶ Этим наблюдением мы обязаны рецензенту этой статьи Л.Л. Иомдину.

скольку *каковой* может быть проанализировано как специализированная проформа для группы общего имени (Я.Г. Тестелец, личное сообщение). Естественно предположить, что в тех ОП, где местоимение *который* может быть синонимично заменено на *каковой*, *который* также замещает группу общего имени.

Референциально независимые от antecedента употребления ОМ в аппозитивном ОП, однако, не исчерпываются контекстами предикатного денотативного статуса. Большую группу употреблений ОМ как местоимения повтора образуют случаи, когда antecedент и местоимение связаны разными операторами.

Представляется возможным выделить два класса таких случаев. Во-первых, это случаи, когда ОМ связано каким-либо оператором в аппозитивном ОП. Во-вторых, это случаи, когда ОМ подвергается экзистенциальному закрытию в аппозитивном ОП.

В (50) представлены примеры аппозитивных ОП, в которых ОМ является местоимением повтора и при этом связано оператором. Это означает, что переменная, соответствующая местоимению, одновременно входит в рестриктор и в ядерную сферу действия оператора. В рестриктивном терме данная переменная является аргументом предиката над индивидами, а дескриптивное содержание этого предиката совпадает с дескриптивным содержанием группы общего имени (СНР) antecedента ОМ, т.е. определяемой именной группы.

(50) а. Или, допустим, ученые создадут генетическую копию *какой-нибудь голливудской актрисы, которые*, как известно, увлекаются всякого рода подтяжками и пластическими операциями. [НКРЯ]

б. Штейн всегда был готов к *любым приключениям, которые* иногда заканчивались в милиции... [НКРЯ]

в. Его министры обеспечили соглашение с Португалией, Англией и другими странами, и в воздухе вдруг наступила *зловещая тишина, которая* обычно бывает перед большим шумом. [НКРЯ]

Например, предложение (50а) может быть перифразировано как (51а). Значением аппозитивного ОП является пропозиция *Голливудские актрисы, как известно, увлекаются всякого рода подтяжками и пластическими операциями*. Данное предложение является генерическим, причем

генерический оператор связывает переменную, соответствующую голливудским актрисам, как это представлено в (51б). Предикат над индивидами в рестрикторе – это предикатное содержание именной группы *какой-нибудь голливудской актрисы*, являющейся antecedентом ОМ.

(51) а. Или, допустим, ученые создадут генетическую копию [какой-нибудь [СНР *голлливудской актрисы*]] (а *голлливудские актрисы*, как известно, увлекаются всякого рода подтяжками и пластическими операциями).

б. Gen [x;] (x – голливудская актриса; x увлекается подтяжками и пластическими операциями)

Второй тип интерпретации местоимения *который* как местоимения повтора может быть описан как экзистенциальное закрытие переменной. И. Хайм [68, с. 131–152] указывает, что экзистенциальное закрытие происходит либо на уровне ядерной сферы действия оператора в трехчастной структуре, либо на уровне текста (в простейшем случае текст состоит из одного предложения). Если закрытие происходит в ядерной сфере действия, то неопределенное выражение имеет более узкую сферу действия по отношению к оператору, создающему трехчастную структуру (ср. (52а)). Если же квантор существования присоединяется на уровне текста, то неопределенное выражение, соответствующее связываемой этим квантором переменной, получает широкую сферу действия и, тем самым, референтную интерпретацию (52б).

(52) а. Каждый студент выполнил (одно) задание.

а'. \forall_2 [студент (x_2)] [\exists_1 задание (x_1) \wedge x_2 выполнил x_1]

б. В комнату зашла кошка.

б'. \exists_1 кошка (x_1) \wedge зашла в комнату (x_1)

Обе опции доступны для ОМ *который* как местоимения повтора. В (53) приводятся примеры экзистенциального закрытия на уровне как минимум аппозитивного ОП; в этом случае ОМ получает референтный неопределенный денотативный статус.

(53) а. В нашей стране он так никогда и не был показан, а я, как водится, за участие в его съёмках не получила никакого гонорара, *который* достался государству, – в отличие от моих коллег-певцов из других стран. [НКРЯ]

б. Они сделали заказы и попросили вина, *которое* было немедленно принесено со льдом и фруктами. [НКРЯ]

Так, например, в (53а) аппозитивное ОП интерпретируется как пропозиция *Гонорар достался государству*; субститутом ОМ является неопределенная ИГ *гонорар*, предикатное содержание которой создается группой общего имени антецедента, т.е. определяемой ИГ *никакого гонорара*. Важно подчеркнуть, что ОМ здесь является референтным (государство получило конкретный гонорар), и при этом не кореферентным со своим антецедентом (сам антецедент неререферентен). То же соотношение между неререферентным антецедентом и референтным ОМ наблюдается и в (53б).

Рассмотрим теперь примеры, в которых экзистенциальному закрытию подвергается переменная в ядерной сфере действия других операторов. В (54) демонстрируется ОМ *который* в функции местоимения повтора, находящееся в сфере действия оператора отрицания. Экзистенциальное закрытие соответствующей переменной ниже оператора отрицания и определяет неререферентный денотативный статус данной именной группы.

(54) а. Как-то Косте потребовалась *дрель*, *которой* в их доме не было. [НКРЯ]

б. К уголкам глаз капитана сбежались *морщинки*, *которых* прежде, вроде бы, не было. [НКРЯ]

Интерпретация аппозитивного ОП из (54а) представлена в (55). Мы видим, что ОМ соответствует неопределенная ИГ *дрель*, дескриптивный компонент которой совпадает с дескриптивным (предикатным) содержанием антецедента. Данная неопределенная ИГ находится в ядерной сфере действия сентенциального отрицания, поэтому при экзистенциальном закрытии сфера действия \exists оказывается уже, чем сфера действия оператора отрицания \neg . Соответственно, ОМ имеет неконкретный экзистенциальный (т.е. неререферентный) денотативный статус.

(55) а. Как-то Косте потребовалась *дрель*; *дрели* в их доме не было.

б. $\neg \exists_1$ дрель (x_1) \wedge была в их доме (x_1)

Отметим, что денотативный статус антецедента, в частности, его референтность / неререферентность, при этом допускает вариативность. Так, в

(54а) антецедент находится в сфере действия интенционального предиката и также имеет неконкретный экзистенциальный денотативный статус; в примере (54б), однако, антецедент референтный неопределенный.

В (56) приводятся дальнейшие примеры экзистенциального закрытия в ядерной сфере действия других операторов: в (56а-б) – квантора по ситуациям, а в (56в-г) – интенциональных предикатов (операторы выделены полужирным). В этих примерах мы снова наблюдаем референциальную независимость ОМ и его антецедента: антецедент может быть как референтным (56а-б), так и неререферентным (56в-г), и этот факт не оказывает влияния на денотативный статус ОМ. Антецедент и ОМ получают референциальный статус независимо друг от друга, в соответствии с тем, каким оператором они связаны и какие другие операторы имеют приоритет над связывающим оператором.

(56) а. Даже *мои любовницы*, *которые* **иногда** у меня появлялись на короткое время, и те не чувствовали к ней ненависти. [НКРЯ]

б. Обед был готов, на столе стояло *красное вино*, *которое* Мари упорно мне подавала **каждый раз**... [НКРЯ]

в. И как жаль, что этот человек ушел из жизни, не отмеченный *никаким званием*, *никакой наградой*, *которые* он несомненно **заслужил**. [НКРЯ]

д. Встретил нас улыбающийся, добродушный с виду человек, наши поздравления принял восторженно, как если бы каждый из нас вручил ему по *ордену*, *которые* он безмерно **обожал**. [НКРЯ]

Полученные результаты, как кажется, противоречат обобщениям в [19]. Напомним, что местоимение повтора и его антецедент, по мысли Е.В. Падучевой, могут быть референтными только в случаях вида (44а), а прочие случаи употребления местоимения повтора ограничены неререферентными денотативными статусами антецедента и местоимения⁷. Наши примеры показывают, однако, что и антецедент, и ОМ как местоимение повтора могут быть референтными (но при этом неопределенными).

⁷ Впрочем, далее Е.В. Падучева указывает, что данные ограничения "... часто нарушаются в художественной литературе для достижения определенного стилистического эффекта" [19, с. 149].

Второе замечание касается обобщения Е.В. Падучевой [19, с. 103], связанного уже собственно с интерпретацией ОМ в аппозитивном ОП: “Сложное предложение с определительным придаточным (аппозитивным) в русском языке требует денотативного согласования местоимения с антецедентом”. Аналогичное утверждение находим также в [11, С. 292]: “Несогласованность денотативных характеристик антецедента и субститута может служить источником весьма разнообразных аномалий”. Требование денотативного согласования, как пишет Е.В. Падучева, нарушено в предложении (57), которое поэтому является аномальным: ИГ *фрак* референтна, а ОМ нереперентно:

(57) На мне был *фрак*, без *которого* никому не советую выезжать, даже на охоту (Тургенев).

Как кажется, сомнительность данного предложения связана не с референтностью, а со скрытой определенностью ИГ *фрак*: возможно, здесь мы имеем дело с ситуативной определенностью ИГ (bridging cross-reference anaphora в [35]), которая возникает, например, в (58), где ИГ *стол* является определенной в силу дискурсивной связанности ее денотата с денотатом ИГ *дом* в предшествующем предложении (*стол в этом доме*). Действительно, (59), в котором именная группа *фрак* референтна неопределенная, уже не воспринимается как аномальное:

(58) Вошли в дом. На *столе* стояли пироги: с мясом, с капустой и с черникой. [НКРЯ]

(59) Я надел *фрак*, без *которого* никому не советую выезжать, даже на охоту.

Итак, принимая во внимание примеры (47)–(56), можно сформулировать следующие обобщения об интерпретации местоимения *который* в аппозитивном ОП как местоимения повтора. Во-первых, ОМ в этих случаях представляет собой либо предикатную, либо неопределенную именную группу, конкретный денотативный статус которой (референтный неопределенный, экзистенциальный, генерический) определяется связывающим ее оператором. Во-вторых, предикатная составляющая этой именной группы (группа общего имени) совпадает с предикатной составляющей (группой общего имени) ее антецедента. В-третьих, антецедент ОМ (определяемая аппозитивным ОП именная группа) не может являться определенной дескрипцией. Предположительно, это говорит о том, что предикатная составляющая опре-

деленной дескрипции, в отличие от предикатной составляющей неопределенных именных групп, недоступна в качестве антецедента местоимения повтора. Возможный анализ этого феномена, однако, выходит за рамки данной статьи.

Выводы и перспективы

Итак, мы обсудили возможные интерпретации ОМ *который* в аппозитивных ОП. В процессе обсуждения мы исходили из предположения, что аппозитивное ОП, в отличие от рестриктивного, представляет собой пропозицию (т.е. имеет истинностное значение). Данная пропозиция является дискурсивной единицей, т.е. вступает в риторические отношения с другими компонентами дискурса, и в первую очередь с клаузой, содержащей определяемую аппозитивным ОП именную группу. В этой связи мы предположили, что аппозитивное ОП интерпретируется не *in situ*, а в достаточно высокой позиции по отношению к главному предложению, например, в позиции непосредственной составляющей главного предложения.

Если наши исходные предположения верны, то ОМ в аппозитивных ОП выполняет иную функцию, нежели в рестриктивных. Оно является не оператором, а анафорической единицей, сходной с анафорическими местоимениями 3-го лица.

В рамках статьи мы последовательно сопоставляли интерпретацию ОМ *который* в аппозитивных ОП и анафорических местоимений 3-го лица. Между ними обнаружилось значительное сходство. И анафорические местоимения, и местоимение *который* способны иметь три базовых типа употреблений:

- референтные употребления, при которых антецедент референтен, и местоимение отсылает к этому референту, т.е. имеет место кореферентность;
- нереперентные употребления с коассигнацией, при которых антецедент находится в сфере действия некоторого оператора и получает локальный референт в каждой из ситуаций / в каждом из возможных миров, порождаемых данным оператором, и местоимение отсылает к этому локальному референту;
- употребления в качестве местоимения повтора, при котором антецедент и местоимение не коиндексированы, и каждый из них отсылает к своему референту в реальном либо возможном мире.

ОМ в аппозитивных ОП, как и анафорическое местоимение 3-го лица, допускает рассогласование по числу со своим антецедентом. Это возможно, во-первых, при кванторном антецеденте, когда ОМ отсылает к квантифицируемому множеству, и во-вторых, при использовании ОМ как местоимения повтора.

При всем сходстве ОМ в аппозитивном ОП с анафорическим местоимением 3-го лица между ними имеются и существенные различия. Во-первых, ОМ, но не анафорическое местоимение 3-го лица, способно отсылать к участникам речевого акта, выраженным личными местоимениями. Во-вторых, ОМ, в отличие от местоимений 3-го лица, не может быть использовано в дейктической функции. В-третьих, антецедентом ОМ может быть только определяемая аппозитивным ОП именная группа, в то время как для анафорических местоимений в принципе возможен неоднозначный выбор антецедента. Показателен в этом отношении пример Е.В. Падучевой [19, с. 99], в котором, как указывает автор, различное согласование местоимения сопровождается различием смысла:

(60) Истинная дружба – великое благо, но как раз за ним / за ней мы меньше всего гонимся.

Местоимение женского рода (*за*) *ней* кореферентно подлежащему и представляет собой случай референциальной анафоры. Сложнее проинтерпретировать местоимение мужского рода. Если считать, что ИГ *великое благо* имеет предикатный денотативный статус, то местоимение (*за*) *ним* является местоимением повтора. Таким образом, для анафорического местоимения доступны различные интерпретации, связанные с различным выбором антецедента. В аппозитивном ОП, однако, ОМ имеет однозначный антецедент – это определяемая ИГ, поэтому двум интерпретациям (60) соответствуют два разных предложения (61а-б):

(61) а. Истинная дружба, за которой мы как раз меньше всего гонимся, – великое благо.

б. Истинная дружба – великое благо, за которым мы как раз меньше всего гонимся.

Сформулированные выше сходства и различия в интерпретации анафорических местоимений и ОМ в аппозитивных ОП необходимо принимать во внимание при синтаксическом анализе аппозитивных ОП. Этот анализ должен учитывать референциальную (т.е. коиндексирование) и/или

дескриптивную (т.е. совпадение группы общего имени) зависимость ОМ от определяемой именной группы. Очевидно, что такое ограничение едва ли возможно вывести из синтаксической структуры, в которой аппозитивное ОП ни на одном из этапов деривации не образует составляющей с определяемой ИГ. Поэтому интерпретация ОМ в аппозитивных ОП – явное свидетельство в пользу того, что аппозитивное ОП в синтаксической структуре жестко привязано к определяемой ИГ. С другой стороны, если аппозитивное ОП имеет семантический тип *t*, т.е. представляет собой пропозицию, оно не может быть проинтерпретировано в этой позиции стандартным образом. Один из подходов, который снимает эту проблему – анализ аппозитивных ОП как пресуппозиционных пропозиций, которые при интерпретации получают особый семантический тип *t_c* (т.е. тип *t* для конвенциональных импликатур), в то время как главное предложение имеет тип *t_a* (т.е. тип *t* для пропозиций *at-issue*). Таким образом можно добиться того, чтобы интерпретация главного предложения происходила независимо от интерпретации аппозитивного ОП (такой анализ предлагается, например, в [69–71]).

Этот анализ, однако, предполагает, что все аппозитивные ОП пресуппозициональны, т.е. не участвуют в создании интерпретации *at-issue*, что, вообще говоря, неверно. Как показано в [72–76], аппозитивное ОП может выступать полноценным средством описания эпизода основной нарративной линии, ср. пример дискурса из [76]:

(62) ИП: RUS T2-2

4. ...(0.6)h Там он встретил-л своих /друзей,

5. ..(0.3) **которые \решили-и ээ(0.2) отметить /встречу,**

6. ..(0.6)h после \чего-о этот человек ”(0.2) ..(0.2) как оказалось выпил /лишнего,

7. ..(0.2) и-и /ему взбрело в голову пойти \снова покататься на /лыжах с \горки.

Принимая во внимание подобные употребления аппозитивных ОП, Ф. дель Гоббо [33] развивает анализ, согласно которому “финальные” (т.е. не разрывающие линейно главное предложение) аппозитивные ОП могут интерпретироваться *at-issue*. Эта интерпретация достигается путем реанализа аппозитивного ОП как независимого предложения, создающего на уровне текста дискурсивную последовательность с главным предложением. Однако в русском языке, как кажется, не только финальные, но и вложенные в главное

предложение аппозитивные ОП способны заключать в себе описание эпизода нарративной линии, т.е. интерпретироваться *at-issue*, ср. примеры в (63). При этом, как представляется, адекватное перифразирование данных конфигураций при помощи последовательности независимых предложений должно помещать содержание аппозитивного ОП *перед* содержанием главного предложения.

(63) а. Одна девица, **которая под влиянием тяжелых неудач впала в оцепенение и тупоумие**, начала поправляться, была почти уже здорова, но вдруг вздумала упорно отказываться от работы. [НКРЯ]

б. РС:N42

38.(1.0) А /потом вот эти /девочки —

39. **которые \стояли около \двери,**

40. — ... (0.6) ээ(0.1) /вошли,

41. и \тоже сели. (пример из [76])

Таким образом, адекватный анализ аппозитивных ОП должен учитывать целый набор факторов, среди которых синтаксическая структура аппозитивных ОП и их место в синтаксической структуре главного предложения; семантическая интерпретация аппозитивного ОП и ОМ в его составе; дискурсивные функции аппозитивных ОП и их место в формализованной структуре дискурса (например, возможные риторические отношения, связывающие аппозитивную клаузу с главной). В этой связи анализ ОМ в аппозитивных ОП представляет интерес не только для семантической теории анафоры, но и для синтаксической теории полипредикативных конструкций, а учитывая особые дискурсивные функции аппозитивных ОП – и для общей теории дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.
2. Partee B. H. Some transformational extensions of Montague grammar // *Journal of Philosophical Logic*. 1973. № 2. P. 509–534.
3. Partee B. H. Montague grammar and transformational grammar // *Linguistic Inquiry*. 1975. V. 6. P. 203–300.
4. Jackendoff R. The base rules for prepositional phrases // *A festschrift for Morris Halle*. S. Anderson, P. Kiparsky (eds.). New York: Holt, Rinehart and Winston, 1973. P. 345–356.
5. McCawley J. D. The syntax and semantics of English relative clauses // *Lingua*. 1981. V. 53. P. 99–149.
6. Lehmann Ch. Der Relativsatz. Typologie seiner Strukturen – Theorie seiner Funktionen – Kompendium seiner Grammatik. Tübingen: G. Narr (Language Universals Series 2), 1984.
7. Sells P. Restrictive and non-restrictive modification // *CSLI Report*. 1985. № 28. Leland Stanford Junior University.
8. Kleiber G. Relatives restrictives et relatives appositives: une opposition “introuvable”? Tübingen: Niemeyer, 1987.
9. Fabb N. The difference between English restrictive and nonrestrictive relative clauses // *Journal of Linguistics*. 1990. V. 26. P. 57–78.
10. Grosu A., Landman F. Strange relatives of the third kind // *Natural Language Semantics*. 1998. № 6. P. 125–170.
11. Зализняк А.А., Падучева Е.В. Синтаксические свойства местоимения *который* // Сб. Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979.
12. Янова Н.Н. Функционально-семантическая характеристика относительно-распространительных предложений в научном тексте // *Языковая системность при коммуникативном обучении*. М., 1988. С. 147–157.
13. Иванничева О.Н. Текстовые зоны функционирования относительных местоимений в качестве союзных слов в изъяснительных сложноподчиненных предложениях // *Единицы восточнославянских языков: структура, семантика, функция*. Тула, 1994. С. 87–100.
14. Менькова Н.В. Анафора в присубстантивно-определятельных предложениях // *Синтаксис: изучение и преподавание*. М., 1997. С. 137–143.
15. Montague R. The Proper Treatment of Quantification in Ordinary English // *Approaches to Natural Language*. Hintikka K., Moravcsik E., Suppes P. (eds.) Dordrecht: Reidel, 1973. P. 221–242.
16. Kayne R. The Antisymmetry of Syntax (*Linguistic Inquiry Monograph 25*). Cambridge: The MIT Press, 1994.
17. Haegeman L. Introduction to Government and Binding theory. Oxford: Basil Blackwell, 1991.
18. Radford A. Minimalist Syntax: Exploring the structure of English. Cambridge: CUP, 2004.
19. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. Изд. 3-е, стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
20. Stockwell R., Schachter P., Partee B. H. The Major Syntactic Structures of English. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1973.
21. Vergnaud J.-R. French relative clauses. Doctoral dissertation. MIT, Cambridge, MA, 1974.

22. *Jackendoff R.* X-bar syntax: a study of phrase structure. (Linguistic Inquiry Monograph 2) Cambridge: The MIT Press, 1977.
23. *Emonds J.* Appositive Relatives Have No Properties // *Linguistic Inquiry*. 1979. V. 10. P. 211–243.
24. *Borsley R.D.* More on the difference between English restrictive and non-restrictive relative clauses // *Journal of Linguistics*. 1992. V. 28. № 1. P. 139–148.
25. *Marquis R.C., Tremblay M.* The Wh-feature and the syntax of restrictive and non-restrictive relatives in French and English // *Theoretical analyses on Romance languages*. Amsterdam – Philadelphia, 1998. P. 127–141.
26. *Stowell T.* Appositive and Parenthetical Relative Clauses // *Organizing Grammar: Linguistic Studies in Honor of Henk van Riemsdijk*. Broekhuis H., Corver N., Koster J. et al. (eds.). Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2005. P. 608–617.
27. *Cinque G.* Two Types of Nonrestrictive Relatives // *Proceedings of the Colloque de Syntaxe et Sémantique de Paris*. 2007. [<http://ling.auf.net/lingBuzz/000688>]
28. *Ross J.* Constraints on variables in syntax. Doctoral dissertation. MIT. 1967.
29. *Aissen J.* Where do relative clauses come from? // *Syntax and semantics*. New York: Seminar Press, 1972. V. 1. P. 187–109.
30. *Emonds J.* Parenthetical clauses // *You take the high node and I'll take the low node: A paravolume to papers from the Ninth Regional Meeting*. Corum C., Smith-Stark T., Weiser A. (eds.). Chicago: Chicago Linguistic Society, 1973. P. 333–347.
31. *Rodman R.* Scope phenomena, “movement transformations” and relative clauses // *Montague Grammar*. Partee B.H. (ed.). New York: Academic Press, 1976. P. 165–176.
32. *Demirdache H.* Resumptive chains in restrictive relatives, appositives and dislocation structures. Doctoral dissertation. MIT. 1991.
33. *Del Gobbo F.* Appositives at the interface. Doctoral dissertation. University of California. 2003.
34. *Partee B. H.* Relative clauses. Lecture 10. MSU. 2005. [http://people.umass.edu/partee/MGU_2005/MGU05Lec10.pdf]
35. *Huang Y.* Anaphora: a cross-linguistic study. Oxford: Oxford University Press, 2000.
36. *Ивлиева Н.В.* Ограничения на употребление местоимений с кванторными антецедентами. Дисс. ... канд. филол. наук. М., МГУ. 2010.
37. *Partee B. H.* Bound variables and other anaphors // *Theoretical Issues in Natural Language Processing*. Waltz D. (ed.). Urbana: University of Illinois, 1978. P. 79–85.
38. *Geach P.* Reference and Generality. Ithaca: Cornell University Press, 1962.
39. *Evans G.* Pronouns, quantifiers and relative clauses // *Canadian Journal of Philosophy*. 1977. V. 7. P. 467–536.
40. *Evans G.* Pronouns // *Linguistic Inquiry*. 1980. V. 11. № 2. P. 337–362.
41. *Heim I., Kratzer A.* Semantics in Generative Grammar. Oxford: Blackwell, 1998.
42. *Moltmann F.* Unbound Anaphoric Pronouns: E-Type, Dynamic and Structured-Propositions Approaches // *Synthese*. 2006. V. 153. № 2. P. 199–260.
43. *Abbott B.* Definiteness and indefiniteness // *Handbook of Pragmatics*. Horn L., Ward G. (eds). Oxford: Blackwell, 2004. P. 122–149.
44. *Изворска Р.* Формальная семантика // *Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной*. М.: Изд-во МГУ, 1997.
45. *Kamp H.* A theory of truth and semantic representation // *Formal Methods in the Study of Language*. Groenendijk J. et al. (eds.). Amsterdam: Mathematical Centre, 1981. P. 277–322.
46. *Heim I.* The semantics of definite and indefinite noun phrases. New York: Garland Pub, 1988.
47. *Cooper R.* The interpretation of pronouns // *Syntax and Semantics 10: Selections from the Third Groningen Round Table*. Heny F., Schnelle H. (eds.). New York: Academic Press, 1979. P. 61–122.
48. *Elbourne P.* E-Type Pronouns as Definite Articles // *WCCFL 19 Proceedings*. Somerville: Cascadilla Press, 2000. P. 83–96.
49. *Elbourne P.* E-type anaphora as NP-deletion // *Natural Language Semantics*. 2001. V. 9. P. 241–288.
50. *Elbourne P.* Situations and Individuals. Cambridge: MIT Press, 2005.
51. *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
52. *Berman S.* Situation-based semantics for adverbs of quantification // *University of Massachusetts Occasional Papers 12*. Blevins J., Vainika A. (eds.). Amherst: University of Massachusetts, 1987.
53. *Heim I.* E-type pronouns and donkey anaphora // *Linguistics and Philosophy*. 1990. V. 13. P. 137–177.
54. *Asher N., Lascares A.* Logics of conversation. Cambridge: CUP, 2003.
55. *Lascares A., Asher N.* Segmented Discourse Representation Theory: Dynamic Semantics with Discourse Structure // *Computing Meaning*. Bunt H., Muskens R. (eds.). Springer, 2007. P. 87–124.
56. *Roberts C.* Modal subordination and pronominal anaphora in discourse // *Linguistics and Philosophy*. 1989. V. 12. № 6. P. 683–721.
57. *Krifka M., Pelletier F., Carlson G. et al.* Introduction to Genericity // *The generic book*. Carlson G., Pelletier F.

- (eds.). Chicago: Chicago University Press, 1995. P. 1–124.
58. *Carlson G.* A unified analysis of the English bare plural // *Linguistics and Philosophy*. 1977. V. 1. P. 413–458.
59. *Carlson G.* Reference to Kinds in English. Doctoral dissertation. University of Massachusetts. 1977.
60. *Partee B. H.* Noun phrase interpretation and type-shifting principles // *Studies in Discourse Representation Theory and the Theory of Generalized Quantifiers*. Groenendijk J., de Jongh D., Stokhof M. (eds.). Dordrecht: Foris, 1987. P. 115–143.
61. *Chierchia G.* Reference to kinds across languages // *Natural Language Semantics*. 1998. V. 6. P. 339–405.
62. *Karttunen L.* Pronouns and variables // *Papers from the Fifth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Binnick R. et al. (eds.). Chicago: University of Chicago, 1969.
63. *Haik I.* The Syntax of Operators. Doctoral dissertation. MIT. 1985.
64. *Bošković Ž., Franks S.* Across-the-Board movement and LF // *Syntax*. 2000. V. 3. P. 107–128.
65. *Падучева Е.В.* Метонимические и метафорические переносы в парадигме значений глагола *назначить* // *Теория и типология языка. От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика* / Под ред. Е.В. Рахилиной и Я.Г. Тестельца. М., 1999. С. 488–502.
66. *Lewis D.* Adverbs of quantification // *Formal Semantics of Natural Language*. Keenan E. (ed.). Cambridge: CUP, 1975.
67. *Kratzer A.* Conditionals // *Chicago Linguistics Society*. 1986. V. 22(2). P. 1–15.
68. *Heim I.* The Semantics of Definite and Indefinite Noun Phrases. Doctoral dissertation. MIT. 1982.
69. *Potts Ch.* The lexical semantics of parenthetical-as and appositive-which // *Syntax*. 2002. V. 5. P. 55–88.
70. *Potts Ch.* The Logic of Conventional Implicatures. Doctoral dissertation. UC Santa Cruz. 2003.
71. *Potts Ch.* The logic of conventional implicatures. Oxford: Oxford University Press, 2005.
72. *Nouwen R.* On appositives and dynamic binding // *Research on Language and Computation*. 2007. V. 5. P. 87–102.
73. *AndersBois S., Brasoveanu A., Henderson R.* Crossing the Appositive / At-issue meaning boundary // *Proceedings of 20th conference “Semantics and Linguistic Theory” (SALT 20)* (Vancouver, April 29–May 1, 2010). Vancouver, 2010.
74. *Коротяев Н.А., Подлеская В.И.* Фразовая акцентуация в сложных предложениях с постпозитивным придаточным в русском языке: опыт использования устного корпуса с просодической разметкой // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции “Диалог”* (Беласово, 4–8 июня 2008 г.). Вып. 7 (14). М.: РГГУ, 2008. С. 234–241.
75. *Подлеская В.И.* Фразовая акцентуация в относительных предложениях: анализ корпусных данных // *Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова* / Под ред. А.В. Архипова и др. М.: Языки славянских культур, 2008.
76. *Подлеская В.И.* Просодия против синтаксиса в русских относительных предложениях. Материалы к докладу на семинаре “Теоретическая семантика”, 19 марта 2010. М.: ИППИ, 2010.